

ИНФОРМАЗИ

«Жизнь может быть пережита только в ее индивидуальных проявлениях – в одном-единственном человеке, или в одной птице, или в одном цветке.

Не существует жизни „масс“, нет абстрактной жизни».

Эрик Фромм

«Быть сумасшедшим вообще не позорно».

Эрих Мария Ремарк «Три товарища»

«Цените стыд».

Дельфийские максимы, V век до н. э.

Преамбула

Совесьть есть самое ненужное в наше время. Со всей этикой, эстетикой и прочими ее производными. Кирпичников искренне считал совесть атавизмом, побочным эффектом, если угодно, всё это наросты сознания. Точнее сказать, наросты на сознании.

Самосознание — это хорошо, оно есть у многих млекопитающих, оно необходимо на вершине пищевой цепочки, а вот дальше это было лишнее, это эволюция в экстазе продвинулась куда не надо совсем.

Ну посмотрите, от этого одни нелепости, несуразности и страдания. А человек без совести всегда на коне, он всегда впереди, и он, что главное, всегда счастлив, ибо не страдает.

Кирпичников, осознав проблему и имея цель, сам как человек совестливый честно нес эту мысль в массы. Пытался соответствовать этому своему нарративу (слово-то какое — тьфу), но у него не все получалось.

Он как тот Раскольников. Выдавливал из себя совесть по капле, ведя бессовестную жизнь. Двигался он постепенно, погружался несмело, упираясь и отступая. Но тем не менее двигался.

Начало

Удачное оправдание бессовестной жизни, придуманное Кирпичниковым, поначалу очень ему помогало.

Вернее, не так. Сама идея и осознание ненужности совести как лишнего звена в цепи рассуждений и принятия решений пришла к нему под давлением среды, обстоятельств. Он в ту пору работал в банке. Времена были быстрые. Быстро зарабатывали, быстро прогорали. Почти никто ничего не понимал, но все делали вид, что понимают. Вернее, не так. Понимали, но думали, что пронесет. Вот так было и у них. Рулетка.

Кирпичников работал в кредитном отделе. Они оценивали риски и рекомендовали кредитному комитету выдавать кредит заемщику или нет. Ну, вернее, был еще, конечно же, отдел оценки рисков, и они тоже давали свои рекомендации. Но это так. Для размножения козлов отпущения.

Они работали вместе, они были молоды, и все у них было впереди. Ну как обычно. По выходным собирались или у кого-то или где-то. Пили, орали песни, вели глубокомысленные беседы. Это особенно хорошо делать в пьяном виде — все такие умные и все всё понимают. Ну и секс, конечно. Все такие симпатичные и вполне безотказные. Всем хотелось оторваться.

Попробовал

Жизнь текла потихоньку, они все обрастали связями, знакомыми и незнакомыми. Кирпичников не выделялся. Потихоньку научился заводить кредиты куда надо и получать откаты. Был замечен и поставлен в стойло вышестоящими сотрудниками.

Один из них однажды поинтересовался, сначала отдав должное его прекрасной работе: а где деньги? А то вот, говорит, владельцы интересуются.

— Какие деньги? — похолодел Кирпичников.

— Те самые, не строй из себя сам знаешь кого, — ответил ему вышестоящий товарищ.

— Нету никаких денег, — потупился Кирпичников.

На этом разговор закончился вместе с красивой жизнью. Полноводная река обмелела. Он все понял и, подождав удобного момента, послал сигнал, что, мол, все осознал, больше не повторится. Ему вернули жизнь.

Что он понял? Стыд — плохо управляемый, непредсказуемый субъект. Как с ним договориться, он пока не знал. Пока решил игнорировать. А там видно будет.

Случай

Представился. Вышестоящий товарищ по фамилии Кравцов невзначай спросил как-то ни с того ни с сего про фирму «Немезида». Мол, как они, надежные? Кирпичников этих охламонов знал, обыкновенные наперсточники, каковых было тогда слишком много. Брали кредиты и никогда не отдавали. Просто кидали грубо. Очень грубо. Болезненно грубо.

Он промолчал, не знал, что сказать. Не понимал, почему был задан вопрос. Хотя, конечно, знал. Не знал глубины вопроса, если так можно выразиться.

В общем, Кравцов с «Немезидой» этой ожидаемо попал. Они вывели кредит на подставные фирмы, и всё. Теперь у него было два пути: повесить на кого-нибудь или гореть самому, задорого продав душу за спасение.

Кравцов выбрал сначала первый вариант. Перед кредитным комитетом был представлен сотрудник отдела оценки рисков, давший положительное заключение по кредиту. Его уволили. Жизнь Кравцова не изменилась.

Уволенный сотрудник был из их компании. Ну, той, которая гудела по вечерам. Паша, так звали пострадавшего, подозрительно быстро устроился в другой банк и продолжал гулять с ними. По прошествии нескольких месяцев они как-то разговорились по пьяни. Паша рассказал, что на самом деле Кравцов давно на крючке у той бригады разводил на кредиты и крепко с ними связан. Поэтому и он так легко отскочил. Они работали вместе.

— Хочешь с нами? Кравцова скоро возьмут в другой банк на топ-позицию, а ты поднимешься у себя на его место.

— Ты думаешь?

— Знаю.

Пьянка продолжилась, а разговор — нет.

Вера

Кирпичников Паше не поверил. Он позвонил своему старому знакомому по институту, который был женат на подруге жены хозяина его банка. Рассказал ему ситуацию, тот обещал помочь. Кирпичников не сильно надеялся.

Но вдруг через пару дней после разговора раздался звонок, и человек, представившийся помощником владельца, сказал, что внизу машина и его отвезут. Хозяин ждет.

Он спустился и поехал. Доехали быстро. Он это место знал, офис управляющей компании банка. Красивое старое здание, отреставрированное.

Не встретив ни единого человека, он оказался в огромной приемной. Встретивший его внизу у входа испарился, и он остался совсем один.

Через какое-то небольшое время из дверей появился человек, другой, и пригласил войти.

Выбор

За огромным столом сидел subtilный человек. Кирпичников его видел неоднократно. Но не вблизи и, конечно, не наедине.

— Привет,— сказал хозяин.— Кирилл рассказал мне вкратце вашу историю, она интересная.

— Добрый день,— сказал Кирпичников.

— Садитесь,— хозяин рукой махнул в сторону кресел, стоящих в углу.— Чай, кофе?

— Нет, спасибо,— сказал Кирпичников. Пошел и сел.

— Действовать будем так,— сказал хозяин.— Кравцова уволят, вас назначат на его место. Своему знакомому, Паше, кажется, скажете, что, если он захочет, его примут обратно. Предложите ему познакомиться с кем-нибудь из его друзей. Если

встреча состоится, скажете им, что с вами будет лучше, чем с Кравцовым. Но платить им придется больше. Согласны?

— Конечно,— сказал Кирпичников, слушая собеседника как в тумане.

— Ну и отлично. Кому отдавать деньги, вам скажут. Себе можете оставлять десять процентов.

— Спасибо,— сказал Кирпичников.

Рутин

Дальше все было как в сказке. Он быстро решил все свои бытовые вопросы. Квартира, машина, загородный дом, текущие расходы. Оказалось, совесть конвертируется. А стыд заливается.

Они с Пашей были теперь не разлей вода. Все были ими довольны. И те и эти. В какой-то момент этой радостной череды удач и успехов Кирпичников обнаружил, что большинство фирм, получающих одобрение на кредитном комитете, имеют связи с новым банком Кравцова. У них или учредители оттуда, или вторые счета там. В общем, выходило так, что хозяин кредитовал этот самый другой банк.

Странно, подумал Кирпичников тогда. Что-то кольнуло, но быстро забылось. Текучка и праздность в невообразимом сочетании давали всходы забвения, а что еще надо, ведь всегда есть что забыть.

Однажды

А вот однажды тема всплыла. Как? Его вызвал управляющий и предложил написать заявление об уходе по собственному желанию. Сказал, что претензии вскрылись ввиду предпочтений, оказываемых определенным структурам, обращающимся за креди-

тами. Что пока усматривается недобросовестность и нечестность. Поэтому пока так — надо уходить.

Если он, Кирпичников, уйдет тихо, о нем позаботятся и найдут работу.

Кирпичников все понял и заявление написал. Он не сказал про то, что делал все по согласованию и долю честно отдавал молчаливому человеку в комнате номер восемь под лестницей.

В другой раз

Пашу убили. Ну как — официально он выбросился из окна. С двадцать пятого этажа. Была найдена записка. Из которой следовало, что он серьезно переживал из-за ухода жены. Вот так.

Жена его, кстати, ушла к Кирпичникову. Но это не было причиной, конечно. Пашу убили. Он не мог выброситься из-за жены, да и вообще из-за чего бы то ни было. Он был жизнерадостный и понимающий.

Галя, его бывшая и нынешняя Кирпичникова, она первая сказала:

— Пашу убили.

И Кирпичников понял. Его очередь. Но как же так? — сначала подумал он. Потом была истерика. Приступы панической атаки. А когда через три дня он очнулся в кровати весь в блевотине, он осознал, почему его трудоустроили в банк к Кравцову.

Они — кто они, он не хотел думать, — будут валить банк. И нужны будут те, кто сядут за банкротство и вывод денег. За все вот это. И это будет он.

Эх, рановато, еще бы годик хотя бы. Он бы нарубил капусты, а так что — даже бежать по-хорошему не с чем. Надо перепродать себя, Кирпичников бредил.

Бред

Ну как сказать бредил. Деньги, которые хозяин банка выводил и присваивал, а теперь хотел повесить на других, тоже ведь не из воздуха получались. Они кому-то принадлежали. А кому? Бюджету. Вот оно, спасение, продолжал Кирпичников.

Был у него знакомый в конторе. Ну, вы понимаете в какой. И он пошел к нему, и тот обрадовался ему как родному. Знакомый этот все сделал. Он успел, Кирпичников. Его подписали, и теперь он со спокойной душой сдал всех, кроме Гали.

При чем тут Галя? — спросите вы. Ну как же, ведь это она помогла Паше разбиться. Записку написала.

Кирпичников, наверное, любил ее, хотя это и странно. Видно, совесть и любовь могут существовать друг без друга. Впрочем, наверное, в этом случае за любовь была принята прагматичность.

Сдача

В результате операции правоохранительных органов по выявлению коррупционных схем в работе с бюджетными деньгами и прочими экономическими преступлениями Кравцов сел, а хозяин сбежал за границу.

Банк Кравцова был объявлен банкротом, а Кирпичников стал незаменимым сотрудником того банка, в котором бюджет продолжил хранить свои деньги, теперь не опасаясь за их сохранность.

Он по-прежнему ходит в комнату номер восемь под лестницей. А Галя — Галя теперь вместо Паши. Она оказалась умной. И когда поняла про Кирпичникова, выбрала место для себя рядом с ним. Она поняла, что это место поделника, а не любовницы. Ну она хотела быть с ним.

Он лишил ее стыда, она ответила ему тем же. Прекрасная пара.

Вместо конца

Кирпичников вовремя понял, что нельзя быть нечестным одному, ты должен быть среди таких же, как ты. Тогда среда всегда тебя поддержит, среда не ошибается.

Жизнь конкретна. Сегодня и сейчас. И всё. И живите теперь с этим. Стыдом.

